



Музыка  
для медитации



A stylized illustration of a tree with large green leaves and two orange fruits. The background is a mix of blue and green, with a patterned area at the bottom. The text is centered in the middle of the image.

НА ПЕРЕПУТЬЕ,  
ИЛИ АРАНЧА ОБРЕТАЕТ  
СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПУТЬ



Апельсинчик Аранча рос в обычной апельсиновой семье. В его задачи входило расти и напитываться солнцем, которое перепало. А перепало его всё меньше, поскольку рядом с плантацией построили ферму, которая отняла у них добрую половину солнечного дня. Его и брата родители учили довольствоваться тем, что есть, и быть благодарными за это. По вечерам все апельсины на их дереве, равно как и на всех остальных, пели песню прощания с Солнцем и засыпали. Чтобы утром проснуться, позавтракать соками родного дерева, поблагодарить его за это и снова расти. После захода солнца за ферму, то есть раньше положенного, начать ругать на чём свет стоит глупых фермеров. На закате попрощаться с Солнцем — и снова спать. И так изо дня в день.

Единственным развлечением, делавшим день непохожим на все остальные, была непогода. Все его сородичи её не любили, даже боялись. С детства апельсинчиков воспитывали:

— Когда ветер качает твою ветку, нужно вцепиться в неё что есть силы и зажмуриться. Обязательно зажмуриться!

Веря родителям, Аранча делал так всё своё детство. Пока однажды, уже став подростком, чересчур активным и любопытным, чем доставлял немало волнений родителям и господину Дереву, во время одной такой непогоды вдруг не зажмурился, а, наоборот, посмотрел вокруг широко открытыми глазами. Он открыл их как раз в тот момент, когда его ветку качнуло высоко вверх. У Аранчи аж дыхание перехватило. Он увидел, что там, далеко за фермой, простираются в дальние дали поля. Ярким блеском блестела река. И всё это вместе было столь красивым и завораживающим, что он не мог отвести глаз. Когда ветер снова поднимал его ветку вверх, он старался сам раскачать её ещё сильнее, чтобы увидеть ещё дальше.

После того как ветер утих, Аранча попеременно с распирающим его восторгом и желанием рассказать всем, какая же красота вокруг, от которой они почему-то зажмуриваются, испытал чувство вины. Маме стало плохо, очень плохо. Никогда прежде ветер не раскачивал так сильно их ветвь. Она слёзно молила мужа поговорить с господином Деревом, чтобы оно укрепило их ветку. Ещё одной такой непогоды она не переживёт! Аранча понимал, что это его вина. И потому никому о своём открытии не сказал. Даже брату. Потому что тот был чересчур послушным и обязательно растрепал бы всё маме и папе.

Господин Дерево очень любил их семью за добропорядочность и верность традициям. И хорошенько укрепил ветку. В следующую непогоду, как бы Аранча ни раскачивал их ветку, выше, чем конёк фермы, он ничего увидеть не смог. Жизнь его стала ещё скучнее, чем была. Отчаяние росло с каждым днём.

— Ещё немного, и он совсем прокиснет, — причитала мама, глядя на сына.

И вот однажды, набравшись смелости, он во всём признался. Что он больше не желает жить так, как они: с закрытыми глазами


и в страхе непонятно перед чем. Всю апельсиновую общину несколько дней трясло от гнева, даже господин Дерево прикрыл Аранчу листьями, так ему было за него стыдно.

Ночью Аранче пришла в голову мысль. Невероятная и очевидная одновременно: «Если во время непогоды нас учат крепче держаться за ветку, значит, если этого не делать, то?..» Как же он ждал непогоды! Но, как назло, началась череда знойных летних дней. Все вокруг радовались и млели, один он висел скучающий и нетерпеливый: ни ветерка, ни тучки!

«Мы благодарны господину Дереву за его соки! Мы благодарны Солнцу за его свет! Мы благодарны тому, кто, когда придёт наш час, сорвёт нас с господина Дерева и отправит в иной, лучший мир!» — каждый вечер распевали апельсиновые семьи свои традиционные песни. Аранча стал чужим, зато его больше не заставляли петь вместе со всеми. Его дразнили фруктом-«альбиносом». То есть не таким, как все, — «лишённым цвета и вкуса». Это было позором с точки зрения любого нормального апельсина. Но, как ни странно, Аранчу это совсем не расстраивало. Наоборот, давало возможность быть одному и самим собой, не притворяясь.

И вот однажды в семье Аранчи случилось горе. Семья проснулась, а Аранчи на его плодоножке нет!!! И на земле его не было — нигде. Община решила, что его покарало Солнце за то, что он прекратил петь ему благодатные песни. Это ещё больше укрепило веру всех. Ещё радостнее и громче стали они петь свои песни.

Аранча же решил больше не ждать непогоды. И той ночью просто отпустил руки. Оказывается, не дерево держало апельсины — апельсины сами держались за него! Так же, как держались за свои традиции и представления о мире. И только Аранча открыл глаза и пошёл дальше. Таков путь любого фрукта-«альбиноса». Быть другим. А значит, и путь его будет другой!



ЦЕХ ДОЗРЕВАНИЯ,  
ИЛИ КАК АРАНЧА  
ПОЗНАЁТ ИСТИННЫЙ МИР



Аранча катился, бежал, летел, опьянённый свободой и совершенно новой формой жизни. Апельсины и мандарины, висевшие на деревьях, мимо которых он проходил, смотрели на него как на привидение. Родители требовали от детей закрыть глаза и не смотреть на бунтаря — нарушителя спокойствия их добропорядочной жизни. На что Аранча показывал язык, дразнился и бежал ещё быстрее и радостнее.

Наступила ночь, когда Аранча вышел к дороге. Апельсиновая плантация осталась позади. А с нею понятная, спокойная, размеренная жизнь под сенью родительской опеки, заботы господина Дерева и своей родненькой плодоножки. Пожалееет ли он когда-нибудь о побеге? Что его ждёт дальше? Куда он бежит? Или от чего? На все эти вопросы у Аранчи пока не было ответов. Его грудь переполняли восторг, радость и волнение. Волнение перед неизведанным, перед каким-то совсем другим миром, в котором ему предстоит найти своё место.

По дороге со свистом, поднимая пыль, мчались машины, гружённые ящиками с апельсинами и мандаринами. Одна из машин

вдруг остановилась на обочине. Водитель вышел справить нужду. Аранча воспользовался этой возможностью и вскарабкался на колесо. Но никак не мог уцепиться за борт машины. Водитель сел в кабину и завёл грузовик. Машина зарычала и мерно завибрировала. Аранча прыгал изо всех сил, и тут, когда машина уже начала движение, сверху кто-то сбросил ему конец верёвки. Аранча уцепился за него в то мгновение, когда грузовик рванул с места. Как воздушный оранжевый шарик на верёвочке, Аранча летел за грузовиком. Что есть сил он перехватывал верёвку, передвигаясь всё ближе и ближе к кузову. Наконец он уцепился за борт, и тут чьи-то руки помогли ему забраться внутрь.

Отдышавшись, он поднял голову и огляделся. В деревянных ящиках сидели сорванные апельсины и мандарины. Сквозь щели на него с интересом смотрели десятки пар глаз. Рядом с ящиками стоял средних лет гном. Аранча слышал, что гномы существуют, но мама говорила, что это сказки.

— Чьих будешь? — хмуро спросил его Гном.

— Аранча, из рода Мандаранчо, — приветливо ответил ему апельсинчик. Он понял, что именно Гном кинул ему верёвку и помог забраться в машину. — Я хотел вас поблаго...

— Ясно, — перебил его Гном, — не торопись благодарить, не разобравшись. Всё не то, чем кажется. Запомни это, сопляк, на всю свою оставшуюся, наверняка очень короткую жизнь. — Гном сипло засмеялся, обнажив гнилые зубы. — Живо полезай к апельсинам. И чтоб больше мне никакой самостоятельности!

Аранча не стал спорить. Ему надо было собраться с мыслями. Оказавшись среди апельсинов разных сортов и мастей, очень тесно, буквально бок к боку, он чувствовал себя чужим и обособленным.

— Куда вас везут? — тихо спросил Аранча ближайшего к нему с красноватым отливом апельсина.

— Вас? — усмехнулся он. — Нас везут в иной, лучший мир! Куда ж ещё?! Вот только мне всё это не нравится. Я хочу домой, на моё родное дерево... — чуть не хныча закончил он.

Аранча огляделся, и ему показалось, что этот красноватый озвучил то, что думали все, но боялись сказать вслух.

— Хорошо киснуть! — воскликнул апельсин, которого сорвали вместе с плодоножкой, отчего вид у него был важный. — Неизвестность пугает, но все мы знаем, что лучший мир — это цель нашего существования. Надо радоваться!

— А если я не готов?! — взвизгнул красноватый. — Я ещё не созрел для больших перемен. Я хочу домой. Там тепло и уютно, там всё понятно и надёжно. А здесь?!

В этот момент грузовик подпрыгнул на кочке, отчего все апельсины встряхнуло. Красноватый покатился и чуть не вывалился из ящика, Аранча и ещё несколько ближайших к нему апельсинов в последний момент поймали его.

— О, святое Солнце! Господин Дерево, спаси и сохрани! — кричал красноватый.

Все прижались друг к другу поближе. Остаток пути прошёл в молчании. Аранча вспомнил, как однажды он проснулся среди ночи и услышал разговор родителей. Они говорили о лучшем мире. Мама шёпотом призналась отцу, что боится дня, когда её сорвут. Была бы её воля — ничего бы не меняла. Так и жила бы на их дереве. Отец пожурил её за смутные мысли. Что было совершенно лишним, она и сама себя винила за непростительное свободомыслие. Муж посоветовал ей крепче молиться Солнцу, дабы укрепить свою веру. Возможно, тогда впервые у Аранчи приоткрылись глаза на то, что не всё следует брать на веру. Если даже у родителей по поводу, как ему казалось, незыблемых вещей возникают сомнения.

Грузовик остановился. Аранча открыл глаза, оказывается, он заснул от мерной качки. Над воротами возвышалась красивая

вывеска с весёлыми буквами, из которых Аранча сложил слово — «Оранжад». «Так вот как называется иной, прекрасный мир!» — пролетело в голове сообразительного Аранчи.

Всё, что происходило после, Аранча вспоминал как страшный сон. Из апельсинов здесь выжимали почти весь жизненный сок и отпускали на волю. Сил у них оставалось совсем немного. С разорванными животами, перепуганными глазами, они шли сами не зная куда, и никто не ведал, что будет с ними дальше. Но все понимали, что ничего хорошего. Оправиться или восстановиться после такого было совершенно невозможно.

Но узнал всё это Аранча значительно позже. На сортировке Аранчу неожиданно забраковали как «незрелый фрукт».

— Почему сорвали раньше времени? Чья плантация? Разобраться немедленно! — слышал Аранча голос усатого гнома, когда его уводили в Цех дозревания.

Атмосфера здесь была гораздо приятнее и даже веселее. Со всех сторон на них с избытком светило солнце. Правда, называли его гномы лампами. Апельсинчики тут резвились, играли, вволю пили соки господина Дерева, которые им просто выдавались в стаканчиках с соломинкой. Аранча какое-то время пребывал в полном ощущении, что вот он и есть — иной, лучший мир. И если бы он мог, сейчас же рассказал бы маме, что здесь здорово и бояться ей совершенно нечего. Внезапно он почувствовал, что соскучился по ней и по своей семье. Это было новое для него чувство. Прежде он не поверил бы, что способен на такое. Видимо, всё дело в ином мире, который делал его лучше. К нему подкатил с виду совсем карапуз с зелёными прожилками. Как такой незрелыш мог оказаться здесь?

— Меня сорвали по ошибке. Я здесь уже неделю. Нравится тут? — спросил он Аранчу.

— Очень!

— Я Лео, — протянул малыш руку.